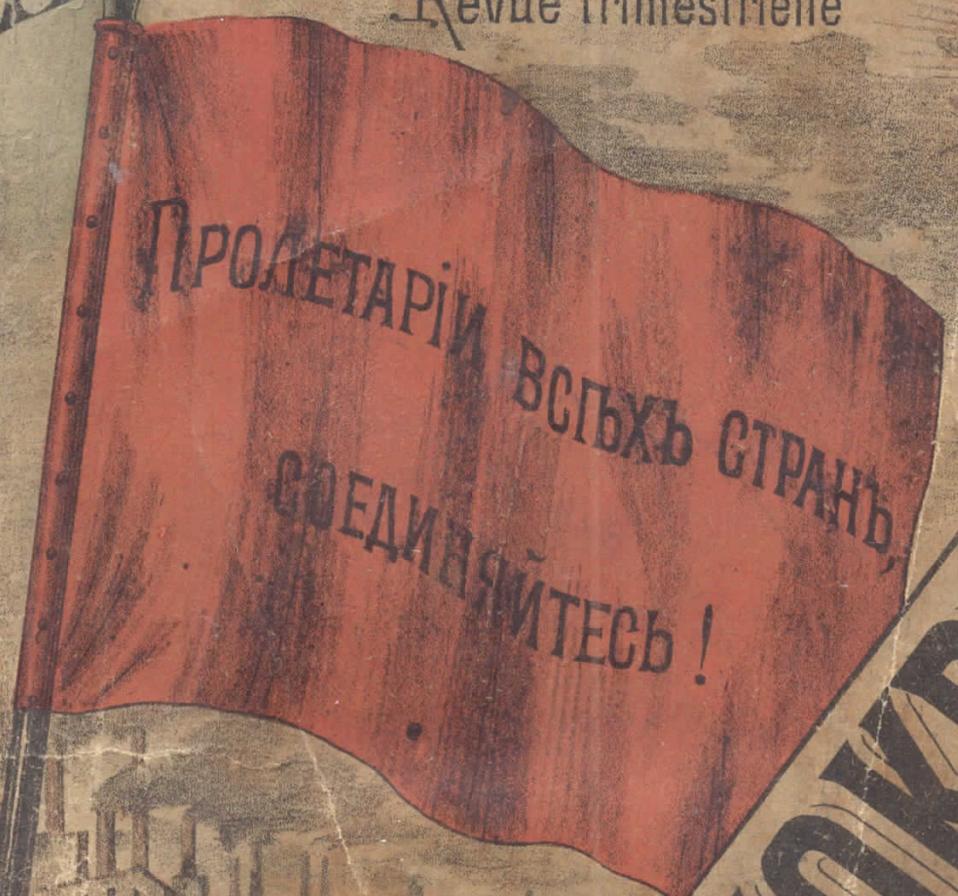

LE DÉMOCRATE-SOCIALISTE.

Revue trimestrielle

СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТЪ

N° 1

ТРЕХМѢСЯЧНОЕ
ЛИТЕРАТУРНО
ПОЛИТИЧЕСКОЕ

БОЗРЪНІЕ

ЛОНДОНЪ

ТИПОГРАФІЯ „СОЦІАЛЬ-ДЕМСКРАТА”

1890

П 12150.

Russischer Leseverein

LE

DÉMOCRATE-SOCIALISTE

93

СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТЪ

трехмѣсячное
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ
обозрѣніе.

ФЕВРАЛЬ
книга первая.

ЛОНДОНЪ

Типографія "Соціаль-Демократа"
1890

Содержаніе.

	Стр.
ОБЪ ИЗДАНИИ „СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТА“	1
УЛИЧНАЯ ТОРГОВКА, разсказъ Поля Эзи, переведено съ французскаго.	3
НАШИ БЕЛЛЕТРИСТЫ - НАРОДНИКИ. Статья вторая (С. Каронинъ). Г. Плеханова	12
РЕВОЛЮЦІОНЕРЫ ИЗЪ БУРЖУАЗНОЙ СРЕДЫ В. Засуличъ	49
Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ. Г. Плеханова	79
ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА РУССКАГО ЦАРСТВА . Фридриха Энгельса	175

СОВРЕМЕННОЕ ОВОЗРѢНІЕ

СТОЛѢТІЕ ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.	1
МЕЖДУНАРОДНЫЙ РАБОЧИЙ СОЦІАЛИСТИЧЕСКІЙ КОНГРЕССЪ ВЪ ПАРИЖѢ (14 — 21 іюля 1889). Новаго Товарища.	16
ПО ПОВОДУ СТАЧКИ НА ЛОНДОНСКИХЪ ДОКАХЪ. Письмо въ Редакцію. Элеоноры Марксъ-Эвелингъ	35
ОТРЕЧЕНІЕ БУРЖУАЗІИ. (Изъ нѣмецкаго „Соціаль-демократа“) Фрид. Энгельса.	41
ВНУТРЕННЕЕ ОВОЗРѢНІЕ.	46
ИЗМѢНЕНІЕ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ССЫЛЬНЫХЪ ВЪ ЯКУТСКѢ.	58
НОВЫЯ КНИГИ	75
АРЕСТЫ ВЪ РОССІИ	108

ОТРЕЧЕНИЕ БУРЖУАЗИИ.

Ф. ЭНГЕЛЬСА.

(Переведено изъ нѣмецкаго „Соціалъ-демократа“ отъ 5 Окт. 1889)

До послѣдняго времени англійская буржуазія несомнѣнно обнаруживала гораздо больше классоваго, то есть политическаго смысла, чѣмъ буржуазные классы другихъ національностей. Наша нѣмецкая буржуазія и тупа, и труслива; она не сдумѣла даже схватить и удержать политическаго господства, завоеваннаго для нея рабочими въ 1848 году. Рабочему классу придется самому вымести изъ Германіи остатки феодализма и патріархальнаго хозяйства, что уже давнымъ давно должна была бы сдѣлать наша буржуазія. Французская буржуазія, самая алчная изъ всѣхъ, самая ненасытная относительно денегъ и наслажденій, до такой степени ослѣплена жадностью, что вовсе не думаетъ объ интересахъ своего будущаго; она живетъ со дня на день, доходить въ бѣшеной погонѣ за барышами до самой скандальной продажности, объявляетъ подоходный налогъ социализмомъ и государственной измѣной, не можетъ ни при одной стачкѣ обойтись безъ выстрѣловъ, и достигаетъ того, что въ республикѣ, при всеобщей подачѣ голосовъ, у рабочихъ почти не остается другихъ средствъ борьбы, кромѣ насильственныхъ, революціонныхъ. Англійская буржуазія не отличается ни глупой жадностью французской, ни глупой трусостью нѣмецкой буржуазіи. Во время своихъ величайшихъ триумфовъ она постоянно дѣлала рабочимъ уступки; даже самая ограниченная ея часть, консервативная поземельная и финансовая аристократія, не побоялась предоставить право голоса городскимъ рабочимъ въ такихъ размѣрахъ, что лишь по своей собственной винѣ рабочіе не имѣютъ съ 1868 года 40—50 представителей въ парламентъ. Съ тѣхъ поръ по общему согласію всей, какъ консервативной, такъ и либеральной буржуазіи, расширеніе избирательнаго права распростра-

нено также и на сельскіе округа, размѣры избирательныхъ округовъ уравнены, и этими мѣрами въ распоряженіе рабочаго класса представлено еще до 30 мѣстъ въ парламентъ. Въ то время какъ нѣмецкая буржуазія никогда не обладала способностью руководить націей и представлять ее въ качествѣ господствующаго класса, а французская когда-то обладавшая этой способностью въ большей степени чѣмъ средній классъ какой бы то ни было другой страны, теперь ежедневно доказываетъ, что она ее совершенно утратила, — въ это самое время англійская буржуазія (съ которою совершенно слилась и такъ называемая аристократія) до самаго послѣдняго времени выказывала еще способность выполнять до извѣстной степени свою роль руководящаго класса.

Но за послѣднее время и англійская буржуазія начинаетъ, повидимому, утрачивать подобныя качества.

Въ Лондонѣ все, что связано со старымъ муниципальнымъ строемъ то есть съ особой конституціей и управленіемъ той части города, которая спеціально называется „Сити“, остается вполнѣ средневѣковымъ. Къ этой средневѣковой области принадлежитъ и первая въ мірѣ Лондонская гавань. Владѣльцы мѣстъ нагрузки, разгрузчики, лодочники, составляютъ настоящіе цехи съ исключительными привилегіями и сохранили даже отчасти средневѣковые костюмы. За послѣдніе семьдесятъ лѣтъ стародѣдовскія цеховыя привилегіи были дополнены и увѣнчаны монополіями, предоставленными компаніямъ, владѣющимъ доками и вся громадная Лондонская гавань оказалась, такимъ образомъ, отданной на жертву беспощаднѣйшей эксплуатаціи небольшого числа привилегированныхъ корпорацій. Эта уродливая груда привилегій увѣковѣчена и сдѣлана такъ сказать неприкосновенной посредствомъ безконечнаго ряда создавшихъ ее, запутанныхъ и противорѣчивыхъ парламентскихъ актовъ, изъ которыхъ образовался настоящій юридическій лабиринтъ, — лучшій оплотъ всей этой безобразной системы. Но въ то время какъ въ сношеніяхъ съ торговымъ міромъ корпораціи Лондонской гавани опираются на свои средневѣковыя права и дѣлаютъ эту гавань самою дорогою въ мірѣ, члены этихъ корпорацій превратились, тѣмъ не менѣе, въ чистокровнѣйшихъ современныхъ буржуа, которые, кромѣ своихъ кліентовъ, подвергаютъ также самой безстыдной эксплуатаціи цѣлыя массы рабочихъ, соединяя, такимъ образомъ, одновременно и въ одномъ карманѣ всѣ выгоды средневѣковаго строя, со всѣми выгодами современнаго капитализма.

Но такъ какъ эта эксплуатація совершалась внутри современнаго капиталистическаго общества, она оставалась подчиненной его законамъ, хотя и была переряжена въ средневѣковый костюмъ. Крупныя капиталы поглотили мелкіе, или, по меньшей мѣрѣ, приковали ихъ къ своимъ побѣднымъ колесницамъ. Большія компаніи доковъ подчинили себѣ цехи владѣльцевъ верфей, разгрузчиковъ и лодочниковъ и приобрѣли, такимъ образомъ, господство надъ всей гаванью. Имъ показалось, что это господство раскрываетъ передъ ними перспективы безконечныхъ барышей. Такія перспективы ослѣпили ихъ. Онѣ повывбрасывали милліоны на глупѣйшія приготовленія. А такъ какъ компа-

ній было нѣсколько, то между ними началась конкуренція, которая стоила имъ новыхъ милліоновъ, вызвала новыя безсмысленныя постройки и привела ихъ на край банкротства, пока онѣ не объединились, наконецъ, два года тому назадъ.

А тѣмъ временемъ торговля Лондона пошла подъ гору. Гавръ, Антверпенъ, Гамбургъ и со времени прорытія новаго морского канала, Амстердамъ стали притягивать къ себѣ все большую и большую часть торговли, центромъ которой раньше служилъ Лондонъ. Ливерпуль, Гуль, Глазгоу тоже взяли кое что на свою долю. Вновь построенные доки стояли пустыми, дивиденды сокращались, а отчасти и вообще исчезли; избалованные добрымъ старымъ временемъ, высокобѣрные денежные тузы не знали, что предпринять. Они не хотѣли признавать дѣйствительныхъ причинъ относительнаго и абсолютнаго паденія Лондонской гавани. А между тѣмъ, поскольку эти причины имѣютъ мѣстный характеръ, онѣ заключаются именно и единственно въ ихъ собственныхъ, ни съ чѣмъ несообразныхъ дѣйствіяхъ, въ породившихъ эти дѣйствія привилегіяхъ и въ средневѣковыхъ порядкахъ господствующихъ въ Сити и въ гавани — порядкахъ имѣющихъ полнѣйшее право на мѣсто въ Британскомъ Музеѣ, рядомъ съ египетскими муміями и ассирійскими каменными чудовищами.

Нигдѣ кромѣ Лондона подобная древность не была бы терпима. Въ Ливерпулѣ, гдѣ стало возникать такое же положеніе, оно было уничтожено въ зародышѣ и всему уставу гавани приданъ современный характеръ, Въ Лондонѣ же торговля терпитъ убытки, ворчитъ, — и оставляетъ все по старому. Масса буржуазіи, которая платится за всю эту безтолковщину, склоняется передъ монополіей правда неохотно, но все таки склоняется. У нея уже не хватаетъ энергіи, чтобы сбросить гнетъ, грозящій раздавить со временемъ жизненныя условія цѣлаго Лондона.

Таковы обстоятельства, при которыхъ разразилась стачка на докахъ. Возстаетъ не буржуазія, ограбленная привилегированными компаніями; высокобѣрнымъ магнатамъ доковъ бросаютъ перчатку эксплуатируемые ими рабочіе, бѣднѣйшіе изъ бѣдныхъ, самый низшій слой пролетаріевъ Истъ-Энда. Тутъ только буржуазія соображаетъ, наконецъ, что эти магнаты являются также и ея врагами, что стачечники, борясь за свои интересы, отстаиваютъ косвенно и интересы буржуазіи. Этимъ объясняются симпатіи къ стачкѣ въ средѣ публики и небывалая щедрость, вдругъ охватившая буржуазное общество. Но на этомъ дѣло и остановилось. Рабочіе пошли въ битву, напутствуемые одобрительными криками и рукоплесканиями буржуазіи; рабочіе не только доказали, что гордые магнаты доковъ вовсе не непобѣдимы, но своей борьбой и побѣдой они такъ подѣйствовали на все общественное мнѣніе, что теперь уже монополіи и всему феодальному уставу гавани долго не прожить, и въ ближайшемъ будущемъ она займетъ таки подобающее ей мѣсто въ Британскомъ Музеѣ.

Все это давнымъ давно должна была сдѣлать сама буржуазія. Но она не могла, или не хотѣла выполнить своего долга. И только теперь, когда рабочіе взяли дѣло въ свои руки, оно будетъ наконецъ сдѣлано.

Другими словами, буржуазія отреклась въ данномъ случаѣ отъ своей собственной роли въ пользу рабочихъ.

А вотъ другая картинка. Изъ средневѣковой Лондонской гавани перейдемъ въ современныя бумагопрядильни Ланкашира. Мы попадаемъ туда въ такое время, когда жатва хлопка 1888 года истощилась, а жатва 1889 года еще не появлялась на рынкѣ, то есть въ ту минуту, когда спекуляція съ сырымъ матеріаломъ имѣетъ всего больше шансовъ на успѣхъ. Одинъ богатый голландецъ, по имени Штинстрандъ, образовалъ съ нѣсколькими соотечественниками компанію для скупки всего находящагося на рынкѣ хлопка, съ цѣлью поднять его цѣну. Владѣльцы бумагопрядильень могли бы разстроить этотъ планъ лишь посредствомъ ограниченія потребленія хлопка, то есть посредствомъ остановки, или сокращенія на нѣсколько дней въ недѣлю, работъ на всѣхъ фабрикахъ. Фабриканты въ теченіе цѣлыхъ шесть недѣль пытались организовать эту приостановку, но дѣло не удавалось, какъ не удавалось оно никогда и раньше при подобныхъ же обстоятельствахъ. Одни изъ фабрикантовъ такъ задолжали, что всякая остановка грозила имъ банкротствомъ. Другіе были бы рады остановить работы на чужихъ фабрикахъ, ожидая отъ нея повышенія цѣнъ на пряжу, но сами желали продолжать работы, чтобы воспользоваться повышенными цѣнами. Впрочемъ, уже болѣе десяти лѣтъ тому назадъ выяснилось, что существуетъ только одно средство достигъ общей остановки работъ на всѣхъ бумагопрядильняхъ для той или другой цѣли. А именно: для этого требуется понизить заработную плату, скажемъ, на 5 процентовъ. Тогда неминуемо начинается стачка, и въ борьбѣ противъ рабочихъ между фабрикантами воцаряется безусловное единодушіе; машины останавливаются даже у такихъ хозяевъ, которые не знаютъ, будутъ ли въ состояніи когда нибудь снова пустить ихъ въ ходъ.

На этотъ разъ, однако, обстоятельства такъ сложились, что объявить пониженіе заработной платы было не удобно. Но какъ иначе достигъ одновременнаго прекращенія работъ, безъ котораго фабриканты попадали на нѣсколько недѣль въ полную власть спекуляторовъ? Цѣль была достигнута способомъ, еще не бывалымъ во всей исторіи новѣйшей промышленности.

Фабриканты, черезъ посредство своего центрального комитета, „официально“ обратились къ центральному комитету ремесленного союза рабочихъ съ просьбой устроить стачку, чтобы заставить, ради общаго блага, непокорныхъ фабрикантовъ закрыть фабрики. Въ глубокомъ сознаніи своей неспособности дѣйствовать сообща, они сами просили когда-то столь ненавидимые ими ремесленные союзы соблаговолить употребить противъ нихъ, фабрикантовъ, принудительныя мѣры, чтобы путемъ насилія заставить ихъ дѣйствовать единодушно въ ихъ собственныхъ интересахъ. Сами по себѣ, безъ принужденія со стороны рабочихъ, они уже къ этому 'неспособны!

Рабочіе снизили на просьбу, и съ ихъ стороны оказалось достаточно одной угрозы, что бы покончить все дѣло. Въ 24 часа со-

юзъ спекуляторовъ на хлопокъ былъ разбитъ. Это показываетъ, на что способны фабриканты, и что могутъ сдѣлать рабочіе.

И здѣсь, слѣдвательно, въ современнѣйшей отрасли современной промышленности, буржуазія оказывается столь же неспособной защищать свои классовые интересы, какъ и въ средневѣковой части Лондона. Болѣе того. Обращаясь къ организованнымъ рабочимъ съ просьбой употребить насиліе противъ противъ фабрикантовъ, буржуазія, тѣмъ самымъ, не только открыто сознается въ своей неспособности, не только отрекается отъ своей роли, но въ то же время она признаетъ въ организованномъ рабочемъ классѣ правоспособнаго и законнаго наследника своего господства. Она сама провозглашаетъ во всеуслышаніе, что если отдѣльные фабриканты и способны еще вести дѣла своихъ отдѣльныхъ фабрикъ, то никто уже, кромѣ организованныхъ рабочихъ, не способенъ взять въ свои руки общее руководство дѣлами хлопчатобумажной промышленности. А изъ этого ясно какъ день, что у фабрикантовъ остается теперь только одно призваніе: служить по найму управляющими на фабрикахъ организованныхъ рабочихъ.
